

КРИЗИС ВЛАСТИ И ОБОСТРЕНИЕ КРИМИНОГЕННОЙ ОБСТАНОВКИ В НАЛЬЧИКСКОМ ОКРУГЕ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Жанситов Осман Асланович, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), osman.zhansitov@yandex.ru

Данное исследование сфокусировано на проблемах обострения криминогенной обстановки в Кабарде в ситуации социально-политических турбуленций. С одной стороны, криминализация населения рассматривается как следствие дезорганизации (вакуума) власти, с другой – связывается с деятельностью политических сил, провоцирующих и использующих рост преступности, облакаемой в формат социального движения, в качестве инструмента для демонтажа существующей государственной системы. Показано, как призывы большевиков к неповиновению властям, захвату частной собственности, расправе над «врагами революции» переходят рамки политической борьбы и приобретая отчетливый уголовный оттенок, оборачиваются неконтролируемыми, массовыми случаями нарушения закона, затрагивающими все, в том числе и лояльные к советской власти слои общества. Рассматривается деятельность «белой» администрации Кабарды по обеспечению правопорядка, осложнявшейся, во-первых, стремлением пострадавших при большевиках жителей, вне правового поля вернуть утраченную собственность, во-вторых – наличием большевистского подполья, подстрекающего население к противозаконным действиям, и, в-третьих, трудностью применения общероссийских правоохранительных практик, обусловленной незавершенностью процесса интеграции местного социума в административно-правовое поле страны.

Ключевые слова: революция 1917 г., гражданская война, Кабарда, народная милиция, преступность, советская власть, контрреволюция, большевизм, деникинская администрация.

В дореволюционный период царская администрация в целом справлялась с вопросами поддержания правопорядка в Кабарде. В отличие от соседних Ингушетии и Чечни, где «земельный голод» и общая экономическая неустроенность провоцировали горцев на противоправные действия, выливающиеся порой в абреческие движения, большинство кабардинцев не испытывало недостатка в земельных наделах, было хозяйственно обеспечено. Соответственно, в этих условиях, основная масса населения Нальчикского округа объективно не была поставлена перед необходимостью обеспечения себя незаконными методами.

Конечно имели место преступления на бытовой почве, конокрадство и всякого рода мелкие правонарушения, которые, однако не приобретали массовый и неконтролируемый характер. Конфликтный потенциал в обществе, провоцируемый спором за пастбищные участки между крупными коннозаводчиками и владельцами незначительных поголовий крупного рогатого скота, который вылился в 1913 г. в Зольское восстание, к 1917 г. был в целом нейтрализован. У администрации к тому же имелся ресурс к пресечению возможных на этой почве преступлений со стороны считающих себя неудовлетворенными групп населения.

Падение самодержавия и переход власти в России к Временному Правительству в первое время не привели к серьезным потрясениям в стране. В Нальчикском

округе положение также оставалось спокойным. Однако формировавшиеся новые органы власти как в центре, так и на местах не пользовались, в отличие от имперской администрации авторитетом. В состоянии всеобщей эйфории после отречения царя, предвкушения либерализации всех сторон жизни население ждало скорейшего удовлетворения накопившихся при прежнем режиме претензий, к чему новые власти не были готовы.

В Кабарде подобная ситуация привела к тому, что отдельные крестьяне, надеющиеся получить в пользование дополнительные земельные наделы, в условиях отсутствия твердой власти предпринимали попытки самовольного захвата участков, находящихся в собственности или на правах аренды у коннозаводчиков.

Положение усугублялось тем, что большевики, заинтересованные в дезорганизации действующего режима и стремившиеся сформировать в регионе свою социальную базу, открыто призывали недовольные слои населения к подобно-го рода действиям, которые грозили принять стихийный характер. Принимая во внимание неблагоприятные последствия такого сценария Прокурор Терской области счел необходимым предупредить большевистских лидеров Нальчикского округа о том, «...что всякие провокаторские выступления и попытки натравлять одну часть населения на другую, вносящие смуту и мешающие спокойной работе демократических организаций будут преследоваться по всей строгости закона»¹. В то же время Нальчикский областной исполнительный комитет (орган Временного Правительства) в обращении к населению округа призвал «не допускать в отношении владельцев крупных земельных участков никаких насилий, не разорять и не ломать построек, ... дав им время без ущерба угнать табуны и скот, тем самым устранить вероятность возникновения враждебного отношения одной части населения к другой, столь пагубного для всего народа, в переживаемое тяжелое время»².

Нейтрализовав провокаторскую деятельность большевиков, власти Нальчикского округа столкнулись с новыми обстоятельствами, провоцирующими рост правонарушений. Развал Кавказского фронта, обусловил массовое неконтролируемое передвижение деморализованных частей русской армии с района боевых действий в Закавказье в центральные области России. Их путь лежал через Северный Кавказ³. Дезорганизованные, слабо управляемые командирами, но, при этом, хорошо вооруженные подразделения, оседали в населенных пунктах региона. Оставшись без продовольственного снабжения, они были поставлены перед необходимостью самостоятельно добывать пропитание, искать ночлег и средства для возвращения в родные края. Естественно, что затруднительное положение, в котором оказались военнослужащие провоцировало их столкновения с местным населением как с русским, так и с горским. В сложившейся ситуации, наблюдалось скачкообразное увеличение числа грабежей, разбоев, убийств. Порой дело доходило до вооруженных столкновений между солдатами и горцами, что имело место по большей части в крупных городах региона Владикавказе, Грозном и т.д., которые как крупные железнодорожные узлы служили своего рода перевалочными базами для воинских формирований.

Советы рабочих и солдатских депутатов, начавшие формироваться в городах региона с марта 1917 г., увидев возможность организовать разлагавшиеся солдатские части в мощную вооруженную силу, которую можно было противопоставить своим противникам в Терской области – казачеству и еще не проникшимся идеями социалистической революции горским массам, не предпринимали каких-либо действенных мер для предотвращения инцидентов между населением и военнослужащими. Последние, в свою очередь, нашли в лице большевиков ту политическую силу, которая готова удовлетворить их интересы. Декрет о мире, выводящий Россию из Первой мировой войны, обнародованный 9 ноября 1917 г. Советом народных комиссаров, являлся ярким тому подтверждением.

В Кабарде, не испытывавшей в отличие от соседних округов крупных эксцессов с участием солдат, все же случались инциденты с их участием. Тем не менее местная администрация не обладала достаточным ресурсом для их предотвращения. Более того, в ситуации политического кризиса прежние практики оперативно-розыскной работы были малоэффективны. В этих условиях, действенную поддержку властям в деле борьбы с преступностью оказал передислоцированный в Нальчикский округ с фронтов Первой мировой войны Кабардинский полк Кавказской (Дикой) конной дивизии, сохранившийся как дееспособная воинская часть и подчинявшийся приказам Временного Правительства. Из числа его служащих формировались патрули, дежурившие в ночное время в слободе Нальчик и наиболее проблематичных населенных пунктах округа. Главной задачей, возложенной на полк, являлось разоружение и выдворение из Кабарды сосредоточенных здесь солдатских частей, подверженных большевистской пропаганде и замеченных во всякого рода противозаконных действиях. «Эти части, – отмечал в своих мемуарах офицер Кабардинского полка К. Чхеидзе, – начали высказываться и действовать в духе большевизма. Ни в одном полку Дикой дивизии не было ничего подобного тем настоящим дикостям, которые совершались в частях разлагающейся Русской Армии. Солдаты являлись грозой населения»⁴.

После провозглашения в Кабарде в марте 1918 г. советской власти, бывшие солдаты царской армии, уже соорганизованные в революционные отряды, продолжали (хотя и значительно реже) становиться источниками правонарушений. По этому поводу в Нальчикском окружном народном Совете проходили специальные заседания, где рассматривалось «возмутительное поведение отдельных солдат слободы Нальчик, а также прибывших из Пятигорска, выразившееся в убийстве 5 мая осетина, в убийстве 7 мая в Слободском правлении кабардинца и поранении другого и в самоличном отбирании оружия у приезжавших на базар кабардинцев, а также во всякого рода бесчинствах»⁵.

Советская власть, в рамках соблюдения «революционной законности», пыталась пресекать противоправные действия, совершаемые лояльными ей социальными группами, например, могла осудить солдат без соответствующего мандата реквизирующих оружие или продовольствие у жителей. Однако в моменты угрозы своему существованию, допустим в период антисоветского восстания терского казачества, поддержанного в Кабарде отрядом под руководством бывшего офицера Кабардинского конного полка З. Даутокова-Серебрякова (июнь – октябрь 1918 г.) большевики закрывали глаза на действия революционных отрядов, часто превышающих свои полномочия в борьбе с контрреволюцией, в результате чего пострадавшими оказывались лица и целые группы населения, не имевшие к ней какого-либо отношения. «У правого и виноватого, – писал К. Чхеидзе, – отбирали оружие. Никто не был гарантирован от ареста, обыска. Началась усиленная агитация против имущих слоев населения. А так как в Кабарде почти все имущие, то науськиванием воспользовались абреки и деморализованные люди. То там, то здесь происходили грабежи»⁶.

С точки зрения большевиков и их сторонников, подобные действия не являлись противозаконными и объяснялись как месть «угнетенных слоев населения» бывшим «угнетателям». В реальности же имели место банальная «уголовщина» и стремление морально не обремененных лиц в условиях революционного хаоса к легкой наживе, что отчетливо явствует из сведений «Комиссии по выяснению и удовлетворению убытков лиц, ограбленных и разоренных большевиками», которая работала в Кабарде в период правления Деникина. Согласно специально разработанному положению, удовлетворению подлежали только те жители, которые пострадали при власти большевиков по политическим мотивам, то есть как отнесенные советской властью в разряд контрреволюционеров представители дворянства, духовенства, офицерства и т.д. Соответственно значительная часть

пострадавших (порядка 4 тыс.) не добились компенсации за разграбленное имущество, поскольку их случаи были расценены как уголовные происшествия, разбор которых должны заниматься соответствующие инстанции⁷.

Таким образом, уже с позиции противников советской власти, которые если не превосходили, то точно не уступали по численности ее сторонникам, период властвования большевиков в Нальчикском округе явился временем небывалого разгула преступности.

Заняв в январе 1919 г. Северный Кавказ, А. Деникин издал «Временное положение об управлении областями, занимаемыми Добровольческой армией». Его реализация подразумевала возвращение к законодательству, применяемому на территории страны до прихода к власти большевиков. Соответственно, вне закона оказывались все установления советской власти, в том числе и те, которые легитимировали отъем частной собственности. В этих условиях, пострадавшие при большевиках лица, естественно стремились возратить потерянное имущество или компенсировать убытки, при этом часто преступая законные рамки⁸. Лишь под угрозой применения уголовного преследования, деникинской администрации, которую представлял в Кабарде князь Т. Бекович-Черкасский в статусе Правителя округа, удалось вернуть проблему компенсации убытков пострадавшим в правовое поле.

Более серьезным источником правонарушений в период правления Деникина, явились различные «белые» военизированные формирования, которые не имея на то полномочий, занимались реквизициями и конфискациями в селениях Нальчикского округа. С другой стороны, ушедшие в подполье сторонники советской власти, объединявшиеся в небольшие отряды, занимались тем же самым. Большевистские лидеры, поощряя и координируя их деятельность, которая по большей части носила уголовный оттенок⁹, тем самым дезорганизовывали и ослабляли деникинскую власть в Кабарде. Т. Бекович-Черкасский в мае 1919 г. обязал старшин всех селений Нальчикского округа составлять списки «лиц, принимающих участие в большевистском движении, образуя при этом шайки и делая нападения на мирных жителей»¹⁰.

Правителю Кабарды Т. Бековичу-Черкасскому приходилось бороться с участвовавшими на подведомственной территории случаями краж, угонов скота, грабежей. Много времени и средств отнимали мероприятия по организации охраны селений, контролю за преступным элементом, поиску и возвращению хозяевам украденного скота и лошадей. Пришлось увеличить штат образованной в марте 1919 г. указом Деникина Государственной стражи, которая занималась поиском и задержанием преступников. Применялись и радикальные методы – селение, в котором проживал преступник, по принципу круговой поруки несло ответственность перед пострадавшей от его действий стороной.

Белой властью предпринимались попытки создать в Кабарде систему уголовного розыска и секретной агентуры, что должно было повысить раскрываемость преступлений¹¹. Но Бекович-Черкасский дал мотивированный отказ на реализацию подобной инициативы: «По условиям местной жизни, выдача преступника обществом затрудняется тем, что родственники подозреваемого прилагают все усилия к оправданию своего близкого. В то же время, при обострившихся в связи с переживаемым моментом личных отношений среди населения, создание уголовного розыска дает возможность использовать новое положение в целях сведения личных счетов, или удовлетворения личной мести, а также и вымогательства... Неблагоприятные последствия указанного выше могут привести к нарушению мирной жизни на местах и нареканием на администрацию»¹².

Рост преступности, спровоцированный политическим кризисом, подрывал ресурсы и осложнял деятельность как «красных», так и «белых» властей в Нальчикском округе. Сам закон в условиях противоборства социально политических сил,

начавшегося в центре России и распространившегося на регионы после Февральской революции 1917 г., не мог однозначно толковаться и применяться. Каждая из сторон политического кризиса ставила под сомнение легитимность реализации властных полномочий оппонентом.

Примечания

1. Управление центра документации новейшей истории архивной службы Кабардино-Балкарской республики (УЦДНИ АС КБР). Ф. 25. Оп. 1. Д. 38. Л. 58.
2. Там же. Л. 41.
3. *Музаев Т.М.* Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917 – март 1918 года. Нальчик, 2012. С. 296.
4. Чхеидзе К.А. Генерал Заур-Бек Даутоков Серебряков. Гражданская война в Кабарде. Нальчик, 2008. С. 42.
5. Архив Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. Ф. 2. Оп. 1. Д. 16. Л. 23.
6. *Чхеидзе К.А.* Указ. соч. С. 55.
7. Управление Центрального государственного архива Кабардино-Балкарской республики (УЦГА КБР). Ф. 197. Оп. 1. Д. 35. Л. 40.
8. *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Т. 4, 5. Вооруженные силы юга России. Берлин, 1925. С. 176.
9. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6711. Оп. 2. Д. 163. С. 11.
10. УЦГА КБР. Ф. 197. Оп. 1. Д. 4. Л. 4.
11. УЦГА КБР. Ф. 197. Оп. 1. Д. 44. Л. 19.
12. Там же. Л. 22.

THE CRISIS OF POWER AND THE AGGRAVATION OF THE CRIMINAL SITUATION IN KABARDA DURING THE CIVIL WAR

Zhansitov Osman Aslanovich, Candidate of Historical Sciences, associate professor, Senior Researcher of the New History section of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), osman.zhansitov@yandex.ru

The article examines the factors of the crime growth in the context of engagement of the North Caucasus region and, in particular, Kabarda in the Russian revolutionary process. On the one hand, the criminalization of the population is viewed as a consequence of the disorganization (vacuum) of power, on the other hand, it is associated with the activity of the political forces instigating and using the growth of criminality concealed under the social movement format as a instrument for overthrow of the existing state system. It is shown how the Bolsheviks' calls for disobedience to the authorities, seizing of private property, massacring of the “enemies of the revolution” go over the framework of the political struggle and acquire a clear criminal shade, turn into uncontrollable, mass cases of law violation affecting everything including segments of society loyal to the Soviet government.

The article discusses the law enforcement activity of the “white” administration of Kabarda, complicated, firstly, by the desire of affected by the Bolsheviks people to return the lost property outside the legal field, secondly, by the presence of the Bolshevik underground inciting the population to illegal actions, and, thirdly, by the difficulty of applying all-Russian law enforcement practices due to the integration of the local society into the administrative and legal field of the country process incompleteness.

Keywords: revolution, civil war, Kabarda, people's militia, crime, Soviet power, counter-revolution, Bolshevism, Denikin's administration.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-1-40-39-43